

ХЭЛФОРД МАККИНДЕР

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОСЬ ИСТОРИИ

Мировой порядок

Хэлфорд Маккиндер

Географическая ось истории

«Издательство АСТ»

УДК 327
ББК 66.4

Маккиндер Х.

Географическая ось истории / Х. Маккиндер — «Издательство АСТ», — (Мировой порядок)

ISBN 978-5-17-135843-3

Сэр Хэлфорд Джон Маккиндер – английский географ, преподаватель Оксфордского университета, член палаты общин парламента Британии, один из основателей геополитики как науки. В своем основном труде «Географическая ось истории» Маккиндер ввел понятие Хартленда, обозначив так центральную часть Евразии, вокруг которой расположены внутренняя дуга (Европа – Аравия – Индокитай) и периферийная дуга (Америка – Африка – Океания). В вышедшей после Первой мировой войны работе «Демократические идеалы и реальность» ученый развил дальше свою теорию осевого региона, видоизменив в ней некоторые прежние положения. В 1943 году выходит последний, третий труд Маккиндера – «Земной шар и достижение мира», где кардинально пересматривается будущее мировое устройство после окончания Второй мировой войны. В своей работе Маккиндер вводит новую геополитическую ось – США, обосновывает идею геополитических блоков и предсказывает становление двуполярного мира, вращающегося вокруг двух противостоящих друг другу осей: Соединенных Штатов и Советского Союза (Хартленда). В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 327

ББК 66.4

ISBN 978-5-17-135843-3

© Маккиндер Х.
© Издательство АСТ

Содержание

О предмете и методах географии	7
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Хэлфорд Маккиндер

Географическая ось истории

© Перевод. В. Желнинов, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

О предмете и методах географии

Доклад, прочитанный на заседании Королевского географического общества

Что такое география? Кажется странным задавать такой вопрос Географическому обществу, но есть по крайней мере две причины, по которым на него следует дать ответ, желательно – прямо сейчас. Во-первых, географы в последнее время активно добиваются для своей дисциплины более заметного места в учебных программах наших школ и университетов. Мир, в особенности мир образования, спрашивает в ответ: «Так что же такое география?» В этом вопросе звучит ирония. В образовательной битве, которая разворачивается на наших глазах, вполне может родиться ответ на этот вопрос; ведь у нас, по сути, хотят узнать, может ли география считаться научной дисциплиной, а не просто скоплением фактов? Из упомянутого вопроса вырастает другой, более общего свойства, – вопрос о предмете и методах нашей науки.

Вторая причина, по которой я настоятельно призываю именно сейчас обратить внимание на вопрос, что такое география, является внутренней причиной. На протяжении полувека несколько обществ, прежде всего наше с вами Географическое общество, деятельно способствовали изучению мира. Естественным результатом исследований стало то обстоятельство, что мы приближаемся к завершению списка великих открытий. Полярные области остаются единственными белыми пятнами на наших картах. Новому Стэнли¹ больше не суждено открыть Конго и предъявить эту реку восхищенному миру. Какое-то время возможно посвятить проникновению в Новую Гвинею, Африку и Центральную Азию, а также картографированию приполярных областей. Думаю, новых Грили² еще ждут радушные приветствия, а своими свершениями они докажут, что мир вовсе не оскудел героями. Но по мере того как рассказы о путешествиях и приключениях станут звучать все реже и реже, по мере того как вместо них начнутся топографические съемки, даже члены географических обществ примутся уныло вопрошать: «Что же такое география?»

Нет необходимости пояснять, что эта статья попросту не была бы написана, возникни у меня подозрение, что Королевское географическое общество должно вскоре распуститься – под плач коллективного Александра Македонского, сетующего, что больше не осталось земель, которые можно покорить. Нет, наши грядущие труды предвосхищают такие публикации, как статья мистера Уэллса о Бразилии, статья мистера Бьюкенена о Мировом океане и работа мистера Брайса о взаимосвязи истории и географии³. Тем не менее, мы обеспечим себе немало преимуществ, вступая на этот новый путь, если наши глаза будут хотя бы приоткрыты, а не зажмурены. Обсуждение вопроса, вынесенного в название доклада, способно превратиться

---

¹ Имеется в виду Генри М. Стэнли, английский путешественник, исследователь Африки; экспедиция под его началом в 1871 г. отыскала на озере Танганьика пропавшего миссионера Д. Ливингстона. В 1876–1877 гг. Стэнли пересёк Африку с востока на запад, изучив более 5000 км судоходного пути по матерiku, в том числе течение реки Конго. – *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. перев.*

² Адольф В. Грили – американский путешественник, один из основателей Национального географического общества США, в 1881–1884 гг. командовал научно-исследовательской экспедицией на север Канадского арктического архипелага.

³ Англичанин Джеймс У. Уэллс в 1886 г. опубликовал «Очерк о физической географии Бразилии», а чуть позднее в том же году выпустил книгу «Путешествуя и исследуя: три тысячи миль по Бразилии – от Рио-де-Жанейро до Мараньяна, с приложением статистики и наблюдений по климату, железным дорогам, главным сахарным производствам и прочему». В том же году вышли статья шотландского географа Джона Бьюкенена «Сходства в физической географии великих океанов» и статья английского геолога и естествоиспытателя Джеймса Брайса «География в ее отношении к истории». Х. Маккиндер выступил со своим докладом в 1887 г.

в очередное дополнительное преимущество и вручить нам новое оружие в образовательной схватке.

Первое, на чем следует сосредоточить внимание, это попытка понять, является ли география единой – или она включает в себя несколько предметов? Точнее говоря, являются ли физическая и политическая география двумя этапами одного исследования или отдельными предметами, которые надлежит изучать различными методами, геологическими в одном случае и историческими во втором? Данному вопросу не так давно посвятил часть своего выступления председатель географической секции Британской ассоциации⁴. В своем выступлении в Бирмингеме он занял предельно четкую позицию; вот его слова:

«Трудно совместить амальгаму всего того, что можно считать «научной» географией, с историей. Они настолько же далеки друг от друга, как геология от астрономии».

Мне претит так поступать, но я осмелюсь возразить столь уважаемому и авторитетному специалисту, как сэр Фредерик Голдсмит⁵. Я вынужден совершить этот шаг потому, что искренне убежден: то соотношение наук, которое было обрисовано публике в выступлении в Бирмингеме, губительно для перспектив географии как научной дисциплины. Кроме того, я принял к сведению заявление сэра Фредерика Голдсмита о том, что он готов отказаться от этого умозаключения, если ему приведут в опровержение сколько-нибудь веские доводы. В обсуждении такой щекотливой темы, как наша, с моей стороны было бы крайне самонадеянно предполагать, что мои доводы являются действительно весомыми. Я привожу их лишь потому, что, насколько мне известно, эти доводы не рассматривались и не критиковались в упомянутом выступлении. Возможно, сэр Фредерик Голдсмит всего-навсего выразил смутные опасения относительно географии, разделяемые большинством современных людей. Это допущение тем вероятнее, что в данном заявлении он употребил аргументы в пользу мнения, противоположного тому, которое ранее формулировал он сам⁶.

На той же странице, с которой взята приведенная выше цитата, я обнаружил абзац, исполненный высочайшего восхищения перед статьей мистера Брайса «География в ее отношении к истории». Главное утверждение статьи мистера Брайса состоит в том, что человек в значительной степени является «творением окружающей среды». Политическая география должна проследивать взаимоотношения человека с этой окружающей средой. Сэр Фредерик Голдсмит требует от политической географии, чтобы та предоставляла нашим будущим государственным деятелям «полное понимание» различных «географических условий». Как видим, пока никакого противоречия во взглядах не наблюдается. Но он, кажется, воображает, будто означенное «полное понимание» возможно обрести из предмета, который останется после устранения из рассмотрения «физической и научной» географии.

Прежде чем продолжить, следует проверить, допустимо ли уточнить наше определение географии как науки. Физиология отвечает определению науки, которая проследивает взаимодействие человека и окружающей его среды. Задача физиологии, равно как и физики с химией, заключается в том, чтобы фиксировать воздействие разнообразных сил, по большей части вне зависимости от их точного местоположения. Для географии особенно показательно ее внимание к местности, то есть к окружающей среде, которая изменяется локально. Прене-

---

⁴ Имеется в виду Британская научная ассоциация, основанная в 1831 г. для «содействия становлению наук в Англии». В 1851 г. географическая секция ассоциации обрела самостоятельность, выделившись из геологической.

⁵ Британский дипломат и армейский офицер (генерал-майор), много лет трудился в Индии, Иране и на Ближнем Востоке, а также в Африке. По возвращении на родину занялся наукой (как любитель-энтузиаст) и снискал известность как плодовитый автор научно-популярных обзоров и статей в «Британской энциклопедии».

⁶ Сэр Фредерик Голдсмит написал крайне любезный и содержательный ответ на это замечание. Из его письма мне стало понятно, что я приписал его словам тот смысл, который в них не вкладывали. Приношу свои глубочайшие извинения. Тем не менее, я оставил этот абзац для публикации, поскольку, полагаю, не я один неправильно истолковал высказывание сэра Фредерика. Между тем его высказывание не составит труда использовать как довод против географов, тем паче что эти слова принадлежат давнему другу нашей науки. – *Примеч. автора.*

брегая этими исследованиями, она из географии становится простой физиографией⁷, существенный топографический элемент почему-то удаляется. Поэтому я предлагаю определять географию как науку, основная задача которой состоит в прослеживании взаимодействий человека в обществе и в той части окружающей его среды, которая видоизменяется от территории к территории⁸.

До рассмотрения этого взаимодействия нужно проанализировать элементы, в нем участвующие. Одним из этих элементов⁹ выступает меняющаяся среда, и анализом этого элемента, по моему мнению, должна заниматься физическая география. Тем самым мы приходим к выводу, прямо противоположному нынешним представлениям. Мы считаем, что невозможна рациональная политическая география, которая не опирается на физическую географию и не является ее следствием. В настоящий момент мы вынуждены приспосабливаться к иррациональной политической географии, которая утверждает, что главная задача науки не подразумевает выявления причинно-следственных связей, а потому эта география должна оставаться совокупностью разобщенных и отрывочных сведений, подлежащих запоминанию. Такая география никогда не станет научной дисциплиной, ее никогда и ни при каких обстоятельствах не будут преподавать в школе, и она ни за что не внушит к себе почтение в умах тех, кому предназначено править этим миром.

На это мне могут возразить следующим образом: для целей политической географии разве нельзя удовлетвориться более поверхностным и более просто осваиваемым способом изучения, нежели тот, который предлагает физическая география? Мой ответ будет таков: подобные способы уже пытались применять, но результаты разочаровали. На практике куда легче освоить подлинно научный анализ, действуя поступательно и исправно утоляя инстинктивную любознательность, побуждающую нас постоянно задаваться вопросом: «Почему?», нежели накапливать объемы сведений и имен из старых школьных учебников или фрагменты так называемой описательной географии. Топография, то есть география с объяснениями «почему вот так», почти единодушно отвергается как учителями, так и учениками.

Существуют и другие причины, обуславливающие нашу позицию, причины более важные, чем удобство обучения. Перечислю три из них. Первая такова. Если постичь значение старого термина «физические особенности» в причинно-следственных связях, изучать предмет становится все проще и проще. Новые факты без труда вписываются в общую схему. Они проливают новый свет на все ранее полученные знания, а эти знания, в свою очередь, подчеркивают те или иные признаки новых фактов. Впрочем, когда получил распространение описательный метод, не говоря уже о методе перечисления, каждый дополнительный факт стал усугублять то бремя, которое выпало нести человеческой памяти. Попробуйте подбросить еще один камешек в груды гальки – рано или поздно она развалится. Или попробуйте изучать математику, пытаясь запоминать формулы, а не постигать принципы.

Вторая причина, если коротко, следующая. Поверхностный анализ, скорее всего, приведет к ошибкам. С одной стороны, мы видим нежелание углубляться в суть вещей дальше их

---

⁷ Физическая география, ныне один из разделов географии как цельной научной дисциплины. В XIX столетии – раздел естествознания, наука, задачей которой считалось составление достоверного описания земной поверхности.

⁸ Другое определение с несколько иной точки зрения см. в моей вступительной речи, предварявшей обсуждение: «Это наука о распределении, наука, которая отслеживает расположение предметов на поверхности земного шара». – *Примеч. автора.*

⁹ Другим элементом, разумеется, является человек в обществе. Здесь анализ очевиднее и проще, нежели в случае окружающей среды. Образчиком рассуждений можно признать «Физику и политику» Бейджхота. Сообщества людей должны трактоваться как социальные единицы, ведущие борьбу за существование в условиях более или менее благоприятной для них среды. – *Примеч. автора.* У. Бейджхот – британский журналист и популяризатор науки; в работе, на которую ссылается Х. Маккиндер, утверждалось, что ранним цивилизациям «грубых людей» ценности современного либерализма попросту неведомы, но, по мере утверждения морали в обществе, эти цивилизации «взрослеют» и начинают допускать больше свободы и разнообразия. – *Примеч. перев.*

наружного сходства, хотя они принципиально различаются по сути; с другой стороны, так не выявить существенные сходства объектов, которые внешне выглядят по-разному.

Третья причина такова. Разум, жадно усваивающий факторы окружающей среды в их истинных отношениях, будет, вероятно, открыт плодотворным озарениям относительно новых форм взаимодействия человека и окружающей среды. Даже если это не обернется ускорением развития науки, те же условия приведут к быстрому, четкому и, следовательно, правильному восприятию отношений и форм, обнаруженных ранее.

Пожалуй, здесь стоит сделать паузу и подвести промежуточный итог, обозначив следующие ключевые выводы:

1. Мы согласны, что задача политической географии состоит в выявлении и демонстрации отношений, существующих между человеком, который находится в обществе, и окружающей его средой, которая видоизменяется локально.

2. В качестве предварительного этапа следует проанализировать два фактора.

3. Задача физической географии – изучение одного из этих факторов, а именно изменяющейся окружающей среды.

4. Никакая другая дисциплина не способна справиться с этой задачей, поскольку никакой иной анализ не в состоянии предъявить факты в их причинно-следственных отношениях и в истинной перспективе.

Следовательно, никакой другой анализ:

- во-первых, не годится в помощь учителю;
- во-вторых, не привлекает талантливых учеников;
- в-третьих, не щадит ограниченную человеческую память;
- в-четвертых, не заслуживает большего доверия при всей своей гибкости;
- в-пятых, не возбуждает воображение сильнее.

Здесь мы должны ожидать замечания, что, допуская желательность всего того, о чем было сказано, мы, тем не менее, просим невозможного. В ответ укажу, что данный способ и его применимость еще не проверялись на практике. За физическую географию обыкновенно берутся те, кто уже обременен познаниями в геологии, а за политическую географию – те, кто погружен в историю. Нам только предстоит познакомиться с человеком, который, занимая центральное, если угодно, географическое положение, будет одинаково беспристрастно использовать соответствующие достижения науки и сведения из истории, имеющие отношение к его исследованию. В конце концов, знание едино, однако предельная специализация, характерная черта современности, скрывает, как кажется, этот факт от некоторого числа умов. Чем больше мы специализируемся, тем больше места появляется и тем выше потребность в ученых, чьей постоянной целью станет выявление отношений между теми или иными объектами. Одна из величайших пропастей нынешней науки – пропасть между естествознанием и изучением человечества. Обязанность географа заключается в том, чтобы построить мост через пропасть, наличие которой, по мнению многих, нарушает равновесие нашей культуры. Если отсечь любую долю географии, мы искалечим ее благородный облик.

При всем том мы отнюдь не закрываем глаза на необходимость специализации в самой географии. Если вы стремитесь к творческой деятельности в науке, вам придется специализироваться. Но для этой цели физическая и политическая география непригодны, как и дисциплина в целом. Более того, избранное направление вовсе не обязательно будет принадлежать к одной или другой области; не исключено, что оно окажется посередине. География подобна дереву, ствол которого низко от земли разделяется надвое, а ветки выше, на каждой половине, изгибаются и переплетаются между собой. Кажется, что выбрал несколько соседних веток, но потом понимаешь, что они идут от разных стволов. Впрочем, рассуждая об образовании и о

плодотворной специализации в рамках предмета, мы настаиваем на преподавании и понимании географии как таковой.

Вопрос о возможности усвоения предмета естественным образом подводит нас к вопросу о взаимоотношениях географии с прочими науками. Полагаю, у нас нет иного выбора, кроме как принять здесь предварительную классификацию окружающей среды, предложенную мистером Брайсом. Во-первых, налицо сторонние воздействия вследствие конфигурации земной поверхности; во-вторых, имеются факты, почерпнутые из метеорологии и исследований климата; в-третьих, есть товары, которые каждая страна предлагает человеческому обществу и его промышленности.

Начнем с конфигурации земной поверхности. Здесь мы обнаруживаем камень преткновения между географами и геологами. Вторые считают, что причины, по которым объекты литосферы приобрели те или иные формы, должны изучаться их дисциплиной, а для физической географии нет ни свободного места в перечне наук, ни даже необходимости. Географы же вредят состоянию собственной дисциплины, отказываясь учитывать любые геологические факты, кроме основополагающих. Об этом соперничестве наверняка хорошо осведомлены все присутствующие. Оно совершенно бессмысленно и только мешает географии. Две указанные науки вполне могут обмениваться сведениями, и между ними не должно быть ссор, поскольку данные, хоть и тождественные, рассматриваются в них с разных точек зрения и по-разному группируются. К слову, уж точно не геологам позволительна подобная слабость, ведь буквально на каждом шагу в своей дисциплине им приходится уповать на содействие коллег из других областей познания. Та же палеонтология играет важнейшую роль в установлении относительного возраста геологических пластов, но она иррациональна без биологии. Отдельные (из числа наиболее зубодробительных) загадки физики и химии неразрывно связаны с минералогией – это верно, например, для причин и способов метаморфизма. Пожалуй, ближе всего к нахождению общего пространства для геологического и исторического времен подошел доктор Кролл со своей астрономической интерпретацией смены ледниковых периодов¹⁰. Думаю, примеров достаточно. На мой взгляд, истинное различие между геологией и географией заключается в следующем: геолог изучает настоящее, дабы истолковать прошлое, а географ заглядывает в прошлое, чтобы истолковать настоящее. Это различие уже обозначено одним из выдающихся геологов современности.

В своем «Учебнике геологии» доктор Арчибальд Гейки¹¹ дает следующее четкое определение:

«Изучение геологической истории страны подразумевает два обособленных направления исследований. Сначала следует изучить состав и расположение скал, образующих поверхность, с целью определить последовательность изменений в физической географии, в жизни растений и животных на этой поверхности. Но помимо истории скал мы можем попытаться проследить историю самой поверхности, то есть историю возникновения и преобразования гор и равнин, долин и оврагов, пиков, перевалов и озерных бассейнов в земной толще. Эти два направления исследований почти сливаются воедино, когда мы обращаемся к древности, но разделяются все более и более отчетливо по мере приближения к более поздним временам. Очевидно, скажем, что морской известняк, формировавший вереницы долин, рисует пытливому уму две принципиально различные картины. Если мы говорим о происхождении долин, перед нами морское дно с накопленными на протяжении поколений останками богатой кальцием морской фауны.

---

¹⁰ Шотландский ученый Дж. Кролл утверждал, что ледниковые периоды вследствие наклона оси планеты возникают регулярно каждые 22 000 лет, «кочуя» из одного полушария Земли в другое, и длятся по 10 000 лет. К концу XIX столетия теория Кролла подзабылась, но в следующем столетии «воскресла» в так называемых циклах Миланковича, объясняющих естественные изменения климата на планете колебаниями в количестве солнечного света и солнечной радиации.

¹¹ Шотландский геолог, директор музея практической геологии, составитель геологической карты Англии и Уэльса, популяризатор физической географии.

Возможно, мы сумеем побывать на каждом таком дне, установить в точности его органическое наполнение и выяснить, в каком именно порядке происходило оседание зоологических образцов. При этом мы вряд ли сможем объяснить, как морской известняк приобрел свои нынешние формы – почему где-то он тянется холмистой грядой, а где-то образует подводную долину. Скалы и их состав – это один предмет исследования, а история нынешних ландшафтов – уже другой».

К той же мысли склоняется профессор Мозли¹², недавно прочитавший лекцию о научных составляющих географического образования. Прочитую следующий отрывок из его рассуждений:

«Что касается физической географии как части геологии, подлежащей отделению от последней. Причина, по которой упомянутое отделение необходимо, заключается в том, что тем самым у нас возникает и удостоивается особого внимания предмет, каковой гораздо более востребован общим образованием и пригоден для его целей, если сравнивать с геологией; он способен привлечь куда больше исследователей и стать своего рода подспорьем в развитии иных обособленных дисциплин, а также, конечно, самой геологии.

Главный довод, к которому, как правило, прибегают, обосновывая ненужность кафедр физической географии в университетах, гласит, что эти темы находятся в ведении нынешних кафедр геологии; однако профессор Гейки явно не согласен с этим доводом и указывает в своем письме, которое уже упоминалось: «Геология с каждым днем расширяет свои границы, сегодня она сделалась чрезмерно обширной и грозит истощением самому неутомимому ученому».

Как нетрудно заметить, профессор Мозли выступает за создание кафедр физической географии, но из его слов вовсе не следует, будто он против единства географии. Наоборот, в другом месте своей лекции он говорит так:

«Пусть сегодня вряд ли возможно обеспечить представление о географии как о едином целом вследствие очевидной неопределенности границ этой науки и непрерывных нападений на нее со всех сторон, но не исключено, что мы вправе рассчитывать на успех, если предпримем попытку обосновать и укрепить положение физической географии.

Полагаю, будет разумно и полезно включить физическую географию во все программы гуманитарного образования как предмет, специально приспособленный к всеобщему обучению и просвещению, как единственную достоверную подоплеку наших познаний в области, которую ныне все чаще именуют политической географией».

Быть может, ничто другое не нанесло географии большего урона, чем теория, которая отрицает ее единство, и этот урон наиболее наглядно виден в случае физической географии. Данную дисциплину передали в распоряжение геологии, и, как следствие, она обрела геологический уклон. Такие признаки земной поверхности, как вулканы, горячие источники и ледники, были сгруппированы вместе, без внимания к местностям, в которых они расположены. С точки зрения геолога, этого вполне достаточно, ведь геолог использует свой розеттский камень¹³, и для него расшифровка отдельных иероглифов значит очень и очень многое, а вот содержание всего текста, всего рассказа о записанном событии, применительно к истолкованию иных записей не значит ничего. Но эта дисциплина на самом деле не может считаться полноценной физической географией, и недаром доктор Арчибальд Гейки прямо указывает в своих «Основах физической географии», что он употребляет это выражение как синоним слова «физиография». Подлинная физическая география стремится составить причинно-след-

---

¹² Имеется в виду Генри Н. Мозли, британский натуралист, участник нескольких сухопутных и океанских научных экспедиций; именно под влиянием Мозли Х. Маккиндер, студентом изучавший в Оксфорде зоологию, обратился к изучению истории.

¹³ Каменная плита, найденная в Египте и содержащая параллельные древнеегипетский и древнегреческий тексты, позволила расшифровать египетские иероглифы; в переносном значении – подспорье для интерпретации каких-либо данных.

ственные описания распределения тех или иных особенностей земной поверхности. Эти сведения подлежат перегруппировке по топографическим характеристикам. Осмелюсь привести следующий метафорический пример. Физиография о какой-либо особенности спрашивает: «Почему она такова?» Топография интересуется: «Где она находится?» Физическая география спрашивает: «Почему она там находится?» А политическая география желает знать, как эта особенность воздействует на человека, пребывающего в обществе, и как он на нее реагирует. Геология же просто уточняет, какие загадки прошлого эта особенность помогает раскрыть. Физиография представляет собой основу, от которой отталкиваются и геология, и география. Первые четыре из перечисленных выше вопросов составляют предмет географии. Изучаются они последовательно. Разумеется, можно сосредоточиться на каком-то одном вопросе, но я смею утверждать, что нельзя содержательно ответить на любой из более поздних, если угодно, вопросов, не ответив предварительно на те, которые ему предшествуют. Геология в строгом смысле определения научной дисциплины совершенно лишняя в этой цепочке вопросов.

Мы приведем далее два примера несоответствия нынешней физической (геологической) географии, даже если трактовать ее как физиографию, задачам подлинной географии.

Первый пример – это чрезмерное внимание, уделяемое таким природным объектам, как вулканы и ледники, на что лично мне неоднократно указывал секретарь нашего общества мистер Бейтс. Подобное внимание ничуть не удивительно для книг, написанных геологами. Вулканы и ледники суть объекты, которые оставляют наиболее заметный и характерный геологический след. Поэтому, с точки зрения геологии, они важны и заслуживают пристального изучения. Но в результате мы словно получаем книгу по биологии, написанную палеонтологом. В ней раковины улиток, скажем, описываются в мельчайших подробностях, зато о внутреннем строении организмов почти не упоминается.

Второй пример будет практическим, и всякий, кто много и вдумчиво путешествует по миру, полагаю, имеет такой опыт. Предположим, что мы отправляемся в плавание по Рейну. Смею заметить, что будет, по меньшей мере, странно, если любознательный путешественник не станет задаваться такими вот вопросами: почему после долгих миль по равнине, где Рейн течет едва ли не вровень с уровнем суши, мы внезапно попадаем в область, где река торит путь через ущелье? почему, когда мы достигаем Бингена, это ущелье столь же внезапно исчезает, а река разливается озером, берега которого обрамлены параллельными рядами холмов? Обычная физическая география, известная нам сегодня, не в состоянии разумно ответить на эти вопросы. Если нам посчастливилось получить углубленные знания в данной области, мы, возможно, сочтем полезным заглянуть в «Журнал Геологического общества», где опубликована содержательная статья сэра Эндрю Рэмси¹⁴. Но на чтение нужно время, да и надо знать о существовании этого журнала; кроме того, статья, безусловно, полезна, однако в ней рассматриваются лишь несколько обособленных районов, а обобщающие выводы не приводятся.

Позвольте завершить это обсуждение на позитивной ноте. Давайте возьмем в качестве примера область, знакомую всем присутствующим, чтобы внимание привлекал сам метод, а не предмет исследования. Пусть это будет юго-восток Англии. Как принято сегодня, при составлении географии данной области надлежит описать физические особенности побережья и суши. Мысы и бухты побережья, холмы и долины суши перечисляются по порядку, после чего приводится схема административного устройства и дополнительный список главных городов – с указанием рек, на берегах которых они стоят. В некоторых случаях к описанию добавляют ряд любопытных, но изолированных фактов (этаких мысленных зарубок для местных названий). Вообще политическая часть такой работы в лучшем случае дает нам, да простят меня

¹⁴ Шотландский геолог, президент Лондонского геологического общества, председатель Британской службы геологической съемки, автор книги «Физическая география и геология Великобритании» (1878).

ученные-коллеги, подборку упражнений по искусству мнемоники. Что касается ее физической части, все учебники единодушно допускают здесь, как мне представляется, фундаментальную ошибку. Они разделяют описания побережья и суши. Это порочный метод, если мы хотим оценить в должной перспективе причинно-следственные связи. Катастрофы на суше и на побережье происходят в результате взаимодействия двух сил – изменяющегося сопротивления слоев породы и эрозионных факторов атмосферы и морской воды. Эрозия, будь то сухопутная или прибрежная, воздействует на одни и те же скалы. Почему тогда возник мыс Фламборо-Хед?¹⁵ Почему появились йоркширские холмы? Это всего-навсего две конечности одной и той же массы меловых слоев.

Давайте попробуем составить такую географию юго-восточной Англии, которая будет учитывать непрерывную последовательность причин и следствий. Вообразим, что мы летим над плоской местностью, похожей на стол, застеленный белой скатертью. Это залежи мела. Давайте соберем эту «скатерть» в несколько простых складок, как если бы ее задели по неосторожности. Линия впадин¹⁶ тянется от Кеннета до Рединга, а затем идет вдоль русла Темзы к морю. Гряда возвышенностей бежит на восток через равнину Солсбери и ныряет к центру Уилда¹⁷. Вторая линия впадин протекает по долине реки Фром и ее подводным ответвлениям у Солента и Спитхеда. Наконец вторая гряда возвышенностей пересекает остров Пурбек и обрывается ныне отделившимся островом Уайт. Вообразим, что эти впадины и холмы не испытывали воздействия эрозии. Изгибы пластов будут параллельны изгибам поверхности: холмы – плоские и широкие, впадины – тоже плоские, но на дне, и широкие. От Кеннета к Темзе впадины неуклонно расширялись бы по мере движения на восток. Склоны, что соединяют дно впадин с макушками холмов, различались бы по степени крутизны. Вряд ли кто-то подумает, что подобная картина когда-либо существовала в действительности. Смещение пластов всегда сопровождалось эрозией. Как и в случае со зданием парламента¹⁸, разрушение началось еще до завершения строительства. Целесообразно мысленно «вычеркнуть» эрозию, чтобы показать, как располагаются горные породы (мы не в силах этого разглядеть из-за нагромождения обломков на поверхности). Добавим тот факт, что над и под слоями мела залегают слои мягкой глины, и мы получим от геологии все сведения, которые нам требуются.

Что ж, исходное творение готово и пора браться за резец. Ветры и морские воды разрывают нашу «скатерть» в клочья. Но, словно ткань накрахмалили, когда она лежала на столе, описанные выше впадины и гряды никуда не делись. Они торчат тут и там, наполовину разрушенные, превратившись в холмы и мысы. Впадины, погребенные под выброшенной наверх глиной, образуют протяженную долину вдоль лондонского и хэмпширского бассейнов. Море рассекает мягкую глину, прорываясь в широкое устье Темзы и создавая россыпь приморских протоков от гавани Пула через Солент к Спитхеду и далее, к Саутгемптон-Уотер и гаваням Портсмута, Лэнгстона и Чичестера. «Опрокинувшаяся» конечность мелового пласта образует длинную вереницу холмов, которые под различными названиями – Беркширские холмы, Чилтерн, Гогмагосские холмы и Восточно-английские высоты – ограничивают бассейн Кеннета и Темзы на северо-западе. Северный и Южный Даунсы¹⁹ встают лицом друг к другу крыльями арки, из которой удалили центральное звено. Та же арка переходит в равнину Солсбери и

¹⁵ Мыс на йоркширском побережье Северного моря, представляющий собой меловый массив, который круто обрывается к воде. Сегодня является природным геологическим заповедником.

¹⁶ Слова «впадина» и «гряда» употребляются здесь в значении синклиналей и антиклиналей. Следует отличать эти впадины и гряды от долин и холмов. Напомню, что эти понятия нередко отождествляются, но они далеко не идентичны по смыслу. – *Примеч. автора.*

¹⁷ Местность на юго-востоке Англии, между холмами Северный и Южный Даунс.

¹⁸ Намек на пожар 1834 г., уничтоживший Вестминстерский дворец, который в предыдущие несколько столетий постоянно перестраивали.

¹⁹ Меловые холмы на юго-востоке Англии.

тянется на восток меловыми возвышенностями Хэмпшира; но здесь центральное звено сохранилось, хотя и пострадало. Мыс Бичи-Хед, северный и южный Форленд – это выдающиеся в море оконечности хребта. Тот факт, что Северный Даунс обрывается не единичным мысом вроде Бичи-Хед, а длинной чередой скал, два торца которой именуются Северным и Южным Форлендом, обращает наше внимание на часто возникающую взаимосвязь между уклоном поверхности и глубиной залегания пластов. Чуть выше было упомянуто, что, существуй некая идеальная схема расположения впадин и гряд, склоны, соединяющие макушки возвышенностей с дном впадин, различались бы крутизной. Запоминая картину массива холмов в нагромождении «восстановленных» обломков, мы должны учитывать не только направление, но и относительную крутизну обеих граней. С одной стороны эти фасады сотворены погружающимися пластами, а с другой – откосами, где слои провалились. От глубины провала сильно зависит, увидим ли мы перед собой, поднявшись по откосу, резкий спуск или волнистую возвышенность. Сопоставим в этом отношении две меловые возвышенности, которые находятся в Восточной Англии и Кенте, с узкими грядами Чилтерна и холмов Хогс-Бэк в Суррее. Северо-западный фасад Чилтерна схож с западным фасадом Восточной Англии, словно покрытым шрамами. Юго-восточный склон Чилтерна схож с тем покатым склоном, который формирует просторные возвышенности Норфолка. В окрестностях Чилтерна провал глубокий, но в Норфолке все более полого. А Кентское нагорье является продолжением гряды Хогз-Бэк. Южные фасады различаются совсем незначительно, тогда как северный фасад Хогз-Бэк обрывистый, а в Кенте мы наблюдаем лишь небольшой уклон. Эта финальная стадия появления холмов и хребтов имела важнейшее значение для английской истории, о чем я еще скажу далее. Можно предположить, что отроги холмов возникли под влиянием расширения на восток бассейна Кеннета и Темзы. Следует отметить, что берега в устье Темзы идут в целом параллельно холмам, которые обозначают края бассейна: северный берег параллелен изгибу холмов от мыса Ханстантон до Чилтерна, а южный параллелен более прямой веренице вершин Северного Даунса.

Реки этой области сама природа как бы делит на три группы. Во-первых, есть потоки, текущие со склонов Восточной Англии. Они многочисленны и текут приблизительно параллельно друг другу, но не сливаются в некий большой поток, который на карте изображали бы как своего рода дерево. Во-вторых, есть реки, что текут по древним впадинам – Кеннет и Темза ниже Рединга, Фром с его подземным рукавом до Солента. У Темзы, как известно, множество притоков, а вот их обилие у Фрома не очевидно, если не принимать во внимание подземный рукав. В древности Фром, Стур, Эйвон, Тест, Итчен и Медина сливались, вероятно, в один большой поток, устье которого располагалось восточнее острова Уайт. Смеем допустить, что такая река и вправду существовала. В-третьих, есть потоки, текущие по ущельям напрямик через меловые гряды – Темза выше Рединга и многочисленные малые реки Уилда. Это обстоятельство не поддается объяснению, если не предположить, что арка горных пород здесь ранее была цельной. Далее эти реки стекают по пологим склонам, следуя привычным законам гидростатики. Единственной заметной особенностью нашей области, кроме изгиба скал, требующей особых пояснений, является галечный берег у мыса Данженесс в Кенте²⁰.

Таково анатомическое строение нашей области; как оно сказывается на человеке? Посреди лесов и болот возникли на заре времен три просторных возвышенности, этакие широкие площадки, на которых человек мог обосноваться при минимальном сопротивлении природы. На языке кельтов они назывались «гвентами», а завоеватели-латиняне исказили это слово до «вента». Это меловые возвышенности, с которыми уже знакомы: макушка арки Солсберийской равнины и Хэмпшира и оконечности меловых массивов в Восточной Англии и

²⁰ Я опустил в этом кратком изложении Лейт-хилл и леса Сассекса. Они тоже возникли благодаря перемещениям скал, но подробный рассказ о них потребовал бы долгого отступления, а данная статья посвящена в первую очередь методам и предмету географии. – *Примеч. автора.*

Кенте. В Восточной Англии существовала Venta Icenorum²¹; в Кенте и Кентербери²² до сих пор сохранились следы другого гвента. О третьем напоминает первый слог в названии города Винчестер²³. В более поздние, но тоже древние времена здесь селились племена, принадлежавшие к германцам. Англы обитали в Норфолке и Саффолке, юты в Кенте, а саксы в Хэмпшире. Еще позднее английские Винчестер, Кентербери и Норвич оказались в числе главных средневековых городов. По сей день обособленность двух районов проявляется в характере местных жителей. Болота служили границей Норфолка, Кент прятался за лесами Уилда, и неудивительно, что в нашей истории «жители Норфолка» и «жители Кента» остались как вечно недовольные бунтовщики.

На востоке и юге имелось четыре великих города; мы упомянули три, а четвертым был Лондон. Географические условия определяли величину поселений. Карта наглядно показывает, что болота и леса побуждали Норфолк с Кентом, равно как и остальную Англию, смотреть и развиваться в общем направлении Лондона. Кент находится ближе всего к континенту, поэтому нынешняя Уотлинг-стрит была не только местной дорогой, но и путем во Фландрию. Там, где холмы теснее всего стискивают прибрежные болота Темзы, находился естественный брод; сначала люди переправлялись на лодках, затем был построен мост. Эта точка лежит между Тауэрским холмом и высотами Далвича и Сайденхэма. Бермондси – остров Бермонда²⁴ – выступал каменной ступенькой из окрестных болот. Наличие твердой земли поблизости от глубоководной реки необходимо для возведения моста – и служит, разумеется, местом высадки с лодок. Когда имеется средоточие естественных путей в месте, где будто сама природа предусмотрела некий перевалочный пункт, в этой точке обязательно появится поселение. Это поселение приобретет большую значимость, если один путь ведет к нему по суше, а другой – по воде, поскольку товары надо где-то перегружать. Оно станет еще важнее, если там будут встречаться речные и морские грузопотоки. С этой точки зрения нельзя не отметить выгодное положение устья Темзы относительно устья реки Шельды на континенте. Вот объяснение взаимного влияния Лондона и Антверпена, а также объяснение многолетней континентальной политики Англии. Иными словами, было множество причин, обусловивших становление и развитие Лондона. Это неоспоримый факт, раскрывающий тайну постоянного прироста населения города с древнейших времен. Но значимость таких географических особенностей определяется уровнем человеческой цивилизации. Город, который опирается на единичное физическое преимущество, может его лишиться в одночасье – достаточно всего одного механического изобретения²⁵.

Пожалуй, на сем мы закончим с городами и перейдем к политическому устройству. Существует два типа политического разделения: естественное и произвольное. Пример Франции, с ее дореволюционным делением на провинции и введенным после революции делением на департаменты, служит наглядным тому подтверждением. Естественное деление возникает без вмешательства человека, ибо сама природа предполагает, что меньшие образования должны присоединяться к большим. А произвольное деление есть плод сознательного законодательства. В Англии налицо оба типа разделения. В центральной части острова наблюдается

²¹ Букв. «рынок иценов» (лат.), столица британского племени иценов на месте нынешней деревни Кейстор-Сент-Эдмунд в графстве Норфолк.

²² Так утверждает Дж. Р. Грин в «Сотворении Англии». Однако Айзек Тейлор в «Словах и местах» выводит слово «Кент» из гэльского Cenn, производного от кимврского Rep со значением «голова, выступ». – *Примеч. автора.*

²³ Venta Belgarum. – *Примеч. автора.* Букв. «рынок белгов» (лат.), сегодня город Винчестер. – *Примеч. перев.*

²⁴ Так у автора; правильнее передавать англосаксонское имя как «Беормунд». Кроме того, элемент «-си» в этом слове может означать не только «остров», но и «владение»; вероятно, более корректно переводить слово «Бермондси» как «оплот [какого-то] Беормунда». Название впервые упоминается в земельном кадастре 1086 г. (так называемая «Книга Судного дня»).

²⁵ В этом кратком обосновании «величия» Лондона я не уделил должного внимания Тауэрскому холму. Наличие «дуна», то есть крепости на холме, стало, безусловно, определяющим для развития поселения, но не следует пренебрегать и причинами, изложенными выше. – *Примеч. автора.*

произвольное разделение – графства, названные в честь крупных городов и предположительно образованные в соответствии с бывшим делением Мерсии. На востоке и юге графства же сформированы естественным путем и носят названия, четко указывающие на их происхождение. При произвольном разделении границы также прокладываются произвольно, а при естественном разделении они обычно определяются природными особенностями местности. Скажем, переселенцы покидают центр местности и движутся до тех пор, пока им не встретится физическая преграда; либо их продвижение останавливают такие же переселенцы, но из другой местности. В нашей области мы находим сразу несколько замечательных образчиков столкновения двух людских потоков. Обитатели Суррея, Кента и Сассекса обосновались сначала на меловых холмах и возвышенностях, а затем медленно проникли в лес, где и встретились их передовые отряды. Границы этих графств в итоге оказались именно таковыми, какими и должны были быть в этих обстоятельствах. Для сравнения рассмотрим границу, отделяющую Беркшир и Хэмпшир от Суррея и Сассекса. Она пересекает зону общего владения, в основном песчаники Бэгшота. Эту бесплодную местность стали заселять, только когда вокруг не осталось более плодородных пустующих земель. Или возьмем болота Фен – сразу пять графств как бы вторгаются в них выступами своих территорий.

Думаю, на этом мы вправе остановиться и подвести некоторые итоги. Из рассмотрения меловых складок и с учетом твердости мела по сравнению со слоями глины над и под ним очевидно вытекают причины появления двух крупных мысов, двух больших бухт и трех больших нагорий, которые и определили местоположение, количество и значимость главных городов и территориальных границ Юго-Восточной Англии. Указанные соображения при необходимости можно углубить до предельно подробной детализации, а география любой другой области может быть проанализирована аналогичным образом. Кроме того, когда мы усвоили несколько простейших геологических идей, точное графическое описание местности становится возможным представить всего в нескольких предложениях. Да, я согласен, что первоначальное постижение нового метода может потребовать усилий, несопоставимых с теми, которые предусматривались ранее, однако преимущество нового метода заключается в том, что с каждым очередным шагом мы все лучше начинаем видеть картину в целом.

Относительно взаимоотношений геологии и географии, если коротко, можно сказать следующее:

1. Важно знать форму объектов литосферы.
2. Ее описание должно опираться на изучение и понимание причин, определивших эту форму.
3. Одной из таких причин являются относительная плотность и схема расположения горных пород.
4. Но ни к чему вникать в геологические факты и рассуждения, если они не имеют прямого отношения к географии. Любые данные должны отвечать на простой вопрос: «Почему эти особенности обнаруживаются там-то и там-то?»

Что касается двух оставшихся факторов окружающей среды, по мистеру Брайсу, то они не требуют столь долгого разъяснения. Различие между метеорологией и географией определяется исключительно практикой. Метеорология в той своей существенной – действительно существенной – части, которая имеет дело с прогнозированием погоды, географу совершенно не нужна, его интересуют разве что типичные или регулярно складывающиеся климатические условия. Причем даже здесь ему, как правило, достаточно самих метеорологических фактов, как той же метеорологии достаточно фактов физики. Многие, прежде всего в Германии, грешат тем, что пытаются вместить в понятие географии избыток содержания. География связана со многими научными дисциплинами, но вовсе не выступает «матерью» этих дисциплин. Даже

великий Пешель в своей работе *Physische Erdkunde*²⁶ зачем-то обсуждает назначение барометра и приводит формулы, посредством которых вычисляются барометрические поправки. Подобные поползновения на области познания других наук нередко подкрепляют часто звучащее обвинение – мол, географы не настоящие ученые, а лишь любители. Мы же утверждаем, что география является отдельной областью исследований. Ее факты могут, конечно, частично затрагивать области других дисциплин, наук, но предназначение географии состоит в том, чтобы выявлять некие новые отношения между этими фактами. География должна быть непрерывной дискуссией, а условием включения того или иного факта в пределы ее изучения должна выступать следующая посылка: соответствует ли этот факт основным доводам? Насколько допустимы отклонения с точки зрения доказательств, зависит, разумеется, от принятой практики. Обычно они исключаются, если такие доказательства возлагаются на любую другую науку.

Последняя категория мистера Брайса охватывает сферу производства. Распределение полезных ископаемых в горных породах, очевидно, происходит случайным образом, следовательно, нам следует изучать это распределение только для того, чтобы окончательно забить, образно выражаясь, гвоздь, который мы уже начали забивать. По поводу распределения животных и растений я позволю себе напомнить то условие, о котором было сказано чуть выше: соответствует ли этот факт основным доводам? Поскольку животные и растения, о которых идет речь, выступают важным дополнением к окружающей человека среде, их распределение, безусловно, имеет немалое значение. Кроме того, поскольку это распределение свидетельствует о географических изменениях, скажем, об отделении островов от континентов или о смещении линии снегов, оно также немаловажно. Однако подробное изучение распределения животных и растений ради постижения их эволюции ни в коей мере не является предметом географии. Это предмет зоологии или ботаники, для осознанного изучения которых необходимо предварительное изучение географии.

Дело в том, что границы всех наук, что вполне объяснимо, определяются компромиссами. Как уже говорилось, знание едино, а вот разделение знания на области и предметы есть уступка человеческой слабости. В качестве последнего убедительного примера давайте рассмотрим отношение географии к истории. На начальных этапах своего развития обе науки, очевидно, должны идти рука об руку. На более высоких этапах они неминуемо расходятся. Историк погружается с головой в критическое сравнительное изучение древних документов. У него нет ни времени, ни настроения (как правило) углубляться в прошлое науки, подбирая те факты и идеи, которые могут понадобиться. Тут ему как раз способен помочь географ. С другой стороны, географ должен обращаться к истории для проверки тех взаимоотношений, которые он выявил в теории. Совокупность законов, регулирующих эти отношения (причем последние могут со временем измениться), открывает возможность для написания «доисторической» истории. «Сотворение Англии» Джона Ричарда Грина во многом представляет собой размышления о ходе истории на основании изучения географических условий.

Теперь перейду к тому, что, собственно, является, по моему мнению, основной линией чисто географической аргументации. Мое изложение будет разбито на два этапа. Сначала я выскажу общие соображения, наподобие тех, какие можно услышать в университетских курсах лекций или прочитать в оглавлении учебника. Затем мы рассмотрим конкретную ситуацию, а именно причины, по которым Дели и Калькутте было суждено стать древней и новой столицами Индии.

Предположим, что мы освоили физиографию. Давайте вообразим себе земной шар, лишенный суши, и попробуем вывести концепцию суши по аналогии с механикой. Во-первых,

²⁶ Имеется в виду немецкий географ и физический антрополог О. Пешель, один из основоположников геоморфологии. Книга, на которую ссылается Х. Маккиндер, представляет собой посмертную публикацию записей ученого (1884).

законы Ньютона продемонстрировали в своей идеальной простоте гипотезу абсолютной жесткости. Пока не случилось понимания этого факта, противоборствующие силы отталкивания и трения словно и не существуют. Но не будем отвлекаться и приступим к географии. Вообразите земной шар лишенным суши и состоящим из трех концентрических сфероидов – атмосферы, гидросферы и литосферы. На них воздействуют две великие космические силы – солнечный свет и вращение планеты вокруг своей оси. Очевидно, что в такой схеме пассаты дули бы без помех. Но включим в уравнение третью космическую силу, а именно наклон земной оси к плоскости орбиты и вращение планеты вокруг Солнца. В результате промежуточная безветренная зона ежегодно смещается от тропика к тропику. Четвертой и последней из космических сил выступают редкие (с периодом в десятки тысяч лет) изменения эллиптичности земной орбиты и наклона оси планеты. Как следствие, меняются годовой цикл и интенсивность пассатов.

До сих пор мы избегали говорить о продольном измерении. С учетом широты и высоты, время года и климатические условия можно вывести из очень небольшого количества сведений. Но давайте откажемся от нашей исходной гипотезы. Вообразим мир таким, каков он есть, нагреваемый и охлаждающийся, неровный и сжимающийся. Земной шар нагревается и остывает, а потому сжимается, и наружная, более прохладная кора сморщивается. Литосфера по форме больше не соответствует атмосфере и гидросфере. Океанское дно испещрено выступами и впадинами. Выступы пронзают гидросферу и через последнюю достают до атмосферы. Они становятся преградами на пути океанских течений. Их можно сравнить с камнями в русле быстрого ручья, эти камни заставляют поток менять русло, либо перепрыгивать барьер, либо разделяться. Такое сугубо механическое действие можно наблюдать воочию при разделении вод южного экваториального течения у мыса Сан-Роке²⁷. Этот мыс оказывает заметное влияние на английский климат. «Перепрыгивание» же свойственно воздушным потокам, что поднимаются над горными кряжами и омывают их склоны влагой. Впрочем, помимо механических, существуют и термические воздействия, скажем, вследствие различия в удельной теплоте земли и воды; так возникают муссоны. Стоит отметить, что, простираясь континенты на восток и запад, не раскинься они тремя массивами поперек экватора, климат приблизительно определялся бы широтой местоположения.

Так мы постепенно и неуклонно познаем строение мировой суши. Воображая планету лишенной суши, мы изучаем воздействие циркуляции воздуха и воды. Воображая земной шар в бесчисленных складках, мы понимаем, каким образом, благодаря механическим препятствиям и термической неравномерности, элементарные потоки разделяются на почти бесконечную, но все же упорядоченную круговерть. Но пора сделать следующий шаг. Форма литосферы не стабильна, ее сжатие продолжается. Старые «морщины» на поверхности углубляются, рядом появляются новые. Едва выступы поднимаются, начинается их разрушение. Течение всегда стремится уничтожить препятствие, мешающее свободному движению, ибо оно тяготеет к идеальной простоте циркуляции. Если коротко, черты земной поверхности постоянно изменяются. Их форма в данный момент времени определяется историей наряду с текущими условиями. Свежие изменения – одна из наиболее захватывающих глав учебника географии. Равнины образуются за счет векового накопления обломков, континенты порождают острова. Доказательства мы получаем из сотен источников – вплоть до маршрутов миграции птиц, областей обитания животных или промеров глубин в соседствующих морях.

Каждый последующий этап развития опирается на предыдущие. Последовательность аргументации соблюдается. Из местоположения препятствий и направлений ветра можно вывести распределение осадков. На основании формы и распределения впадин и гряд, а также распределения осадков возникает представление о системе водостоков. Распределение почв определяется преимущественно составом пород, а на основании почв и климата мир делится

²⁷ Мыс на востоке Бразилии, ближайшая к Африке точка бразильской территории.

на природные зоны с характерной растительностью. Имеется в виду не распространение ботанических видов, а более масштабное распределение растительной, назовем это так, оболочки планеты: полярные и тропические пустыни, тропические леса и леса умеренной зоны, области, которые можно объединить как степные и луговые.

Перейдем ко второй половине нашего исследования. Полезно в дальнейшем употреблять два специальных термина. Под выражением «окружающая среда» подразумевается природная область. Чем она меньше, тем отчетливее проявляется в ней единообразие, полное или близкое к полному, географических условий. Тем самым мы имеем иерархию сред, в которой условия, если воспользоваться оборотом из логики, изменяются обратно пропорционально размерам. То же самое верно для сообществ. Под «сообществом» понимается группа людей, обладающих некими общими характеристиками. Чем меньше сообщество, тем больше у его членов общих характеристик. У сообществ существует своя иерархия – расы, народы, государства, провинции, города; последние два порядка здесь обозначают именно людские коллективы. Посредством этих двух терминов мы в состоянии уточнять содержание дискуссий, например, о взаимодействии двух сообществ на одну среду или одного сообщества на две среды. Скажем, можно ответить на вопрос, как сказались географические условия на англичанах в трех различных средах – в Великобритании, в Америке и в Австралии?

Повсюду политическое устройство зависит от физических факторов. Определенные климатические условия и почвы необходимы для появления многочисленного населения. Определенная плотность населения представляется необходимой для развития цивилизации. С учетом сказанного следует обсуждать такие научные проблемы, как контраст между древними высокогорными цивилизациями Нового Света, Перу и Мексики, и древними равнинными цивилизациями Старого Света, Египтом и Вавилоном. Опять-таки, сравнительно нетронутые пласты пород обыкновенно лежат под широкими равнинами, а эти широкие равнины выглядят особенно благоприятными для возникновения и развития гомогенных народов, тех же русских или китайцев. А распределение ресурсов животного, растительного и минерального происхождения во многом оказывало влияние на местные особенности цивилизации. В этом отношении показательно сравнить между собой Старый Свет, Новый Свет и Австралию, отталкиваясь от сравнительного объема зерновых и количества животных.

Безусловно, чрезвычайно любопытно исследовать реакцию человека на окружающую его природу. Человек меняет свое окружение и, как следствие, определяет воздействие этого окружения на свое потомство. Относительная значимость физических особенностей видоизменяется от эпохи к эпохе, в зависимости от состояния знаний и материальных запасов цивилизации. Совершенствование искусственного освещения сделало возможным увеличение численности жителей Санкт-Петербурга. Открытие маршрута в Индию вокруг мыса Доброй Надежды и Нового Света обернулось крахом Венеции. Изобретение парового двигателя и электрического телеграфа позволило вырасти в размерах современным государствам. Примеры здесь можно приводить бесконечно долго. Можно при желании сгруппировать их по категориям, но наша цель сегодня – просто указать на такую возможность. Однако всегда следует помнить следующее. Ход истории в данный момент времени, будь то в политике, обществе или любой другой сфере человеческой деятельности, определяется не только окружающей средой, но и некоей инерцией, почерпнутой из прошлого. Тот факт, что человек во многом подчиняется привычкам, представляется неоспоримым. К примеру, англичанин будет мириться со многими аномалиями, пока они не превратятся в досадную помеху, от которой нужно избавиться. Это обстоятельство надлежит учитывать при составлении географии. Милфорд-Хейвен²⁸

---

²⁸ Город в графстве Пемброкшир на юго-западе Уэльса, основан в 1790 г., военный и торговый порт. Сегодня считается четвертым по объему тоннажа портом Великобритании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.